

Кизеветтер Александр Александрович

История России в XIX веке

Курс лекций

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Александрович К.**
История России в XIX веке: Курс лекций / Кизеветтер Александр Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 247 с.

ISBN 978-5-519-89000-7

ISBN 978-5-519-89000-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Введение.

Предметомъ нашего курса въ нынѣшнемъ году послужить исторія Россіи въ 19 в., но прежде чѣмъ останавливаться на ней, надо остановиться выяснить сущность русскаго историческаго процесса, на который существуетъ нѣсколько взглядовъ. Русскій историч. процессъ—совокупность тѣхъ же основныхъ явленій, которыя встрѣчаются и въ Зап. Европѣ, но это не значитъ, что у насъ онъ выражается въ тождественной формѣ. Съ самаго зарожденія нашей исторіографіи идетъ споръ—своеобразенъ или нѣтъ рус. историч. процессъ? Издавна встрѣчаются 2 противоположныхъ теченія: 1) нельзя мѣрить русское прошлое запад.-европейскимъ аршиномъ—эта точка зрѣнія 40-хъ годовъ—славянофиловъ, основывающихся на гегеліанской философіи, сущность которой сводилась къ тому, что исторія есть осуществленіе опредѣленнаго плана Мірового Разума, который разсматривается въ жизни отдѣльныхъ народовъ частями, заранѣе опредѣленными. Что ни особый народъ, то особая цѣль. Каждый народъ въ извѣстное время играетъ первую скрипку на міровой аренѣ, затѣмъ выступаетъ другой, и такъ продолжается все время эта смѣна, пока не выступитъ народъ, цѣль котораго воплотить въ себѣ основную сущность Мірового Разума. До сихъ поръ славянофилы шли съ Гегелемъ въ этомъ же направленіи, но съ этого пункта они расходились съ нимъ. Гегель утверждалъ, что таковъ народъ нѣмецкій, а славянофилы,—что основное существо Мірового Разума воплотится въ русс. народѣ. Итакъ славянофилы взяли Гегеля его основной взглядъ; что историческій процессъ цѣлесообразенъ; у Россіи есть своя задача, слѣдовательно, онъ же и своеобразенъ. Такова теорія свое-

образія, какъ она выразилась въ 40-хъ г.г. Но прошелъ рядъ десятилѣтій и изслѣдователи исторіи, покинувъ эту точку зрѣнія, стали разсматривать исторію съ точки зрѣнія причинности, но это измѣненіе собственно не погребло теоріи своеобразія нашей исторіи, только историч. процессъ одѣлся теперь въ другую одежду. Образовавшееся въ 70-хъ годахъ народническое движеніе, отправляется совершенно отъ другой точки мышленія,—оно совершенно иначе признаетъ своеобразіе. Вотъ ихъ отправная точка. Конечнымъ положеніемъ будетъ замѣна современнаго буржуазнаго строя—соціальнымъ. При чемъ своеобразіе русск. историч. процесса представляется въ слѣдующемъ видѣ: 3. Европа идетъ отъ первобытной стадіи къ капиталистической. Теперь она переживаетъ капитализмъ. Ей нужно перевариться въ фабричномъ котлѣ, чтобы она пошла по соціальному пути. Россія же минуетъ капитализмъ и прямо попадетъ въ блаженное царство социализма. Благодаря своимъ особеннымъ условіямъ въ ней невозможно созданіе капитализма. Эта точка зрѣнія отпадаетъ, такъ какъ нельзя утверждать, что въ Россіи нѣтъ капитализма. Проявленіе его—уже одинъ аргументъ въ защиту выступающей противоположной теоріи, что, слѣдовательно, русск. историч. процессъ вовсе не своеобразенъ. Борьба за свои точки зрѣнія сводилась къ тому, что одни историки утверждали, что Россія не знала феодализма, другіе же подобрали такъ матерьялъ, что возможно было возсозданіе въ нашей исторіи полнѣйшаго тождества съ Зап. Европой. Какъ та, такъ и другая точка зрѣнія слишкомъ крайни въ своихъ началахъ, которыя онѣ принимаютъ за основанія; ни та, ни другая не укладываются на Прокрустовомъ ложѣ—истина остается посерединѣ—такова точка зрѣнія русск. историковъ-реалистовъ. Русск. историч. жизнь имѣетъ свои отличительныя особенности, которыя больше количественнаго характера, а не качественного, какъ полагали славянофилы. Русская исторія—совокупность тѣхъ же основныхъ процессовъ, но надо имѣть въ виду, что у насъ они, во-первыхъ, развились болѣе медленнымъ темпомъ и, во-вторыхъ, получили менѣе заостренную форму. Какъ въ 19 вѣкѣ, такъ и на всемъ протяженіи нашей исторіи все полу-

чаетъ расплывчатую форму. Вотъ таковъ же былъ и основной процессъ нашей исторіи въ 19 вѣкѣ—т.-е. сходный съ Западноевропейскимъ—это растянувшійся процессъ переработки такъ называемаго „Стараго порядка“ въ новый политическій и общественный строй.

Старый порядокъ—чисто техническое выраженіе—означаетъ такой общественно-политическій строй, который представляетъ собой совмѣщеніе политическаго абсолютизма съ общественнымъ феодализмомъ. Выражался онъ въ томъ, что политически неограниченный государь, которому принадлежала высшая власть (суверенитетъ), опирался на высшій классъ земельной аристократіи—феодаловъ, утеравшихъ политическія права, но удержавшихъ права соціальныя, держащихъ въ экономической зависимости все земледѣльческое населеніе страны, и бывшихъ командующимъ классомъ въ странѣ. Но наряду съ этимъ могущественнымъ классомъ растеть въ концѣ 18 вѣка новая сила—буржуазія, не владѣющая землей, но владѣющая талантами и умственными ресурсами. Опираясь на нихъ, она и себѣ требовала право активнаго участія въ политической жизни страны. Произошло рѣзкое столкновеніе новой могучей силы со старымъ порядкомъ. Это столкновеніе называется Великой Французской Революціей. Съ этого момента началась переработка стараго порядка въ Зап. Европѣ. Русскій старый порядокъ вылился въ опредѣленныя формы къ концу 18 вѣка.

До 18 вѣка въ Россіи абсолютная монархія не имѣла въ своемъ распоряженіи технически-изощренныхъ орудій управленія: регулярной арміи, правильно организованной податной системы и развитыхъ административныхъ учреждений. Въ силу этого она должна была прибѣгать къ содѣйствію общественныхъ силъ, выразившихся въ формѣ земскихъ соборовъ и подачѣ челобитныхъ. Только со временъ Петра Великаго неограниченная монархія приобрѣла не только юридически, но и фактически вліяніе на всѣ стороны народной жизни. Но, подчиняя себѣ всѣ сферы жизни общественной и государственной, абсолютная власть въ 18 вѣкѣ въ сущности сама подчиняется экономическимъ условіямъ страны,

порожденнымъ господствомъ натурального хозяйства, и сосредоточиваетъ земли въ рукахъ дворянства. Въ Московской Руси служилые люди были обязаны государству пожизненной ратной службой; сохранились такъ называемые, „десятки“—списки лицъ военно-служилаго сословія, въ которыхъ говорится про военнаго человѣка безъ руки, безъ ноги, но который долженъ былъ продолжать службу. Слово „отставка“ не было извѣстно: если служилый человѣкъ переставалъ служить, то долженъ былъ найти другого за себя. Но это сословіе заботилось о закрѣпленіи за собою владѣльческаго права на крестьянъ и на землю, т.-е. заботилось о своихъ привилегіяхъ. Однако этому противодѣйствовала военная обстановка того времени, когда Московское государство должно было отстаивать свою національную независимость на востокѣ—отъ татаръ, на западѣ отражать нападенія Литвы, шведовъ и нѣмцевъ. Эта-то военная борьба налагала на всѣ классы общества обязательныя военно-хозяйственныя повинности и тѣмъ самымъ препятствовала расширенію и углубленію экономическихъ привилегій дворянскаго класса. Но когда военная обстановка исчезла послѣ Великой Сѣверной войны, поставившей Россію въ рядъ великихъ европейскихъ державъ, дворянство, опираясь на свои привилегіи, стало усиливаться. Натуральное хозяйство остается, мобилизація,—сила, противодѣйствующая захвату социально-экономическихъ привилегій, отпадаетъ—въ результатѣ растетъ Старый порядокъ. Особенно ярко выразилось стремленіе дворянъ къ привилегіямъ во время вступленія на престолъ Анны Іоанновны. Русское дворянство стремилось къ захвату политической власти, какъ къ средству достигнуть социально-экономическихъ привилегій. Оно проектировало создать конституціонную монархію, опирающуюся на привилегированное дворянство. Въ эту эпоху появляются ловкіе „государственныхъ дѣлъ“ мастера. Такимъ былъ баронъ Остерманъ. Въ самый критическій моментъ политической жизни онъ назывался больнымъ, но это значило, что онъ готовитъ какую-нибудь новую интригу; у изголовья его смертнаго одра сходились нити тончайшихъ политическихъ интригъ. Въ то время какъ дворянство волновалось, требовало

конституціи, Остерманъ послалъ ловкихъ и надежныхъ людей которые втерлись между московскихъ дворянъ и незамѣтно, тонкими струйками вливали ядъ остермановскихъ идей. Остерманъ отлично понималъ всю подоплеку этой дворянской конституціи и совѣтовалъ дворянству, отказавшись отъ политическихъ притязаній на самодержавную власть, потребовать соціально-экономическихъ привилегій. Дворянство пошло на это. Анна Іоанновна разорвала уже подписанную конституцію и вступила на престолъ неограниченной монархиней, а на дворянство съ высоты самодержавнаго престола посыпались „великія и богатая милости“—въ жизнь стали воплощаться основныя черты стараго порядка.

Во-1-хъ сокращается срокъ военной службы дворянъ на 25 л.

2) Устанавливается свободное дворянское землевладѣніе.

3) Издается указъ о вольности дворянства при Петрѣ III.

4) Жалованная грамота Россійскому дворянству при Екатеринѣ II. Результатомъ этихъ дѣйствій правительства является тайный отказъ дворянства отъ политическихъ притязаній.

Особенно ярко это сказывается при сравненіи проектовъ, составленныхъ дворянствомъ въ 1730 г. съ требованіемъ законодательной власти, съ наказами, привезенными представителями дворянства въ комиссію 1767 г., которые блестятъ полнѣйшимъ отсутствіемъ политическихъ притязаній. Къ этому времени относится сильный отливъ дворянъ изъ центра въ свои помѣстья.

Параллельно происходитъ и процессъ закрѣпощенія крестьянъ въ рабство.

Источникомъ дворянскихъ привилегій и рабства крестьянъ являлось господство натурально-хозяйственныхъ отношеній, слабое производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для сбыта, низкій уровень торгово-промышленной жизни. Такимъ образомъ, къ концу 18 в. въ Россіи устанавливается въ политическомъ отношеніи абсолютная монархія, въ экономическомъ—натуральное хозяйство, въ соціальномъ—господство землевладѣльческаго дворянства. Государство рисуется въ видѣ пирамиды, на вершинѣ которой абсолютный

монархъ, опирающійся на основаніе—соціально-экономическій феодализмъ—землевладѣльческую и рабовладѣльческую аристократію.

Буржуазія еще только зарождалась и не могла оказать противодѣйствія нарастающему порядку. Но къ концу 18 столѣтія и началу 19-го вдругъ заколебался старый порядокъ и заколебался самъ въ себѣ—среди дворянства. Два зловѣщихъ вихря пронесли надъ русскою жизнью и заколебали существующій строй сверху и снизу: Пугачевъ и Павелъ I. Дворяне поняли, что надежды на прочность стараго порядка плохи, и что не такъ-то сладко спать на рабовладѣльской постели, что подъ ними вулканическая почва, а съ другой стороны поняли, что всѣ ихъ привилегіи зависятъ отъ личности государя. Павелъ I однимъ росчеркомъ пера отмѣнилъ всѣ законы Екатерины II—дворянской царицы въ полномъ смыслѣ этого слова, и жалованная грамота—дворянству улыбнулась. „Дворянинъ только тотъ, кто со мной говоритъ и только до тѣхъ поръ, пока я съ нимъ говорю“, говаривалъ Павелъ. Отправляясь на плацъ, офицеры брали съ собой полушубки и съѣстные припасы, потому что прямо оттуда, иногда, Павелъ отправлялъ за Уральскій Хребетъ. Подобные примѣры убѣждали дворянъ, на какой зыбкой почвѣ построили они свое благополучіе и это убѣжденіе толкнуло ихъ на новый путь.

Преобразовательные опыты въ царствованіе Александра I.

19 в. русской исторіи—время переработки стараго порядка, той совокупности соціально-политическихъ и экономическихъ условий, которыя установились къ концу 18 в. и началу 19-го. Переработка эта совершалась подъ вліяніемъ 2-хъ импульсовъ, 2-хъ факторовъ:

1) съ одной стороны—сознательныя усилія правительства и общественной мысли;

2) съ другой стороны—экономическая эволюція народнаго хозяйства. Разсмотрѣніе политическаго движенія въ прави-

тельствственныхъ и общетственныхъ кругахъ и экономической эволюціи разграничиваютъ нашъ курсъ на 2 соотвѣтствующія части. Первая четверть 19 в., царствованіе Александра I—обсужденіе и подготовленіе этой переработки. Но это были первые неувѣренные дебюты политической мысли, и правительство, и общество шло ощупью, колеблясь, не чувствуя подъ собой твердой почвы, разъ навсегда принятаго рѣшенія. Передъ ними встали 3 вопроса:

1) Послѣдовательность реформъ—политическая или социальная реформа должна быть произведена раньше.

2) содержаніе каждой изъ нихъ.

3) способъ проведенія ихъ—должна ли быть она проведена съ верха государственной пирамиды или нужно привлеченіе и общественныхъ силъ?

Эти назрѣвшіе вопросы требовали разрѣшенія, и отвѣтъ на нихъ въ первую половину царствованія Александръ (царствованіе его распадается на двѣ части: до и послѣ Отечественной войны) старается дать. Дѣйствуя вмѣстѣ со своимъ неофіціальнымъ комитетомъ друзей, Александръ выступаетъ съ робкими, осторожными проектами, въ которыхъ старается сохранить самодержавіе и въ то же время дать начало правомѣрной политической свободы, которая должна была покоиться подъ сѣнью неограниченнаго самодержавія. Такое сочетаніе являлось политической квадратурой круга,—неразрѣшимой задачей. Война 1805 г. въ союзѣ съ Австріей и Пруссіей и связанное съ нею пораженіе при Аустерлицѣ и Прейсишъ-Эйлау вызвали къ работѣ общественную мысль и заставили правительство приступить къ разрѣшенію забытыхъ было вопросовъ. Въ это время восходитъ звѣзда Сперанскаго, объявившаго невозможность существованія политической свободы при неограниченномъ самодержавіи, выступившаго съ проектомъ конституціонной монархіи, настаивавшаго на необходимости Государственной Думы. На первомъ планѣ, какъ увидимъ, у него стояла политическая реформа, социальную онъ отодвигалъ на задній планъ, почему и программа его носила сословный, дворянскій характеръ.

Проектъ Спер—го былъ осуществленъ только отчасти: было введено министерство, Государственный Совѣтъ,

все это не повело къ конституціонной монархіи. Скоро вліяніе Сперго пало. Правительство обратилось въ другую сторону, измѣняется направленіе государственной политики. Послѣ Отечественной войны наблюдается обратное взаимоотношеніе правительства и общества въ дѣлѣ разработки очередныхъ преобразованій. Правительство вступаетъ на путь реакціи: начинается аракчеевщина, устанавливается господство полицейскаго террора. Но разбуженная общественная мысль продолжала хотя тайно работать; возникаетъ цѣлая сѣть конспиративныхъ обществъ, ведущихъ подпольную работу. Но эта работа захватила только часть русскаго общества—молодое офицерство, совершенно не затронувъ ни городское мѣщанство, ни деревенское крестьянство; она не просочилась вглубь народныхъ нѣдръ, разлилась только на поверхности тонкой пленки передового воѣннаго дворянства. Тѣмъ и объясняется ея крахъ—крахъ выступленія 14 декабря на Сенатской площади, когда однимъ взмахомъ была развѣяна маленькая группа стоявшихъ во главѣ возстанія.

Только съ воцареніемъ Николая I вопросъ о реформѣ политической опредѣленно и рѣзко былъ снятъ съ очереди, и правительство сосредоточило свои усилія на разработкѣ реформы соціальной. Работа эта ведется наверху, въ секретныхъ комитетахъ, которые ставятъ себѣ задачей освобожденіе крестьянъ, но безъ ущерба матерьяльному благосостоянію дворянства. Создается новая квадратура круга, предлагается къ разрѣшенію новая неразрѣшимая задача—получается бѣгъ на мѣстѣ—люди усиленно работаютъ, но не сдвигаются съ мѣста.

Такъ идетъ дѣло до 1848 г., когда бурная волна революціоннаго движенія прокатилась по Зап. Европѣ, заливъ Францію, Бельгію, Германію. Русское правительство охватываетъ страхъ передъ происходящими событіями; вся его сила направляется на сохраненіе существующаго порядка—рѣзко обрывается и эта соціально-экономическая работа. Наступаетъ штиль въ русской жизни, преслѣдуется всякое проявленіе общественнаго интереса, строго карается все, что кажется подозрительнымъ правительству,—казалось Россія погружена въ тяжелый летаргическій сонъ, будто замерла она... Но

историческая жизнь народа замереть не может, и въ то время, какъ на поверхности русской жизни, на открытой передней аренѣ царилъ мертвый сонъ, тамъ, на другомъ полѣ, въ крѣпостной деревнѣ, въ самыхъ нѣдрахъ русскаго народнаго хозяйства совершались перемѣны, повлекшія за собой реформы 60-хъ г.г.

Разсмотрѣвъ эволюцію экономическаго строя Россіи, обративъ вниманіе на то, какіе результаты она должна была имѣть и какіе имѣла, мы перейдемъ къ реформѣ политической. Вотъ тѣ рамки, въ которыхъ будетъ происходить изученіе исторіи 19 в. Россіи.

Характеристика и значеніе личности Александра I.

Колеблющаяся внутренняя дѣятельность правительства въ царствованіе Александра I находитъ себѣ объясненіе по мнѣнію многихъ историковъ въ свойствахъ души самого Александра I, мягкой, гибкой какъ глина, что они наблюдали и выводили изъ его уступчивости. Но надо сказать, что существуютъ другія болѣе глубокія причины такого характера правительственной дѣятельности, да и личность самого Алекс. I, какъ показываютъ документальныя данныя, далеко не была таковой, какъ рисовалась она въ воображеніи нѣкоторыхъ историковъ.

Александръ—вѣтвь, колеблемая вѣтромъ, это оптический обманъ, которому въ значительной степени способствовалъ самъ Алекс. I. Онъ умѣлъ итти къ намѣченной цѣли, приводить въ исполненіе принятое рѣшеніе, только путь, которымъ онъ шелъ—путь мистификаціи, дѣланной уступчивости, подъ которой скрывалось твердое рѣшеніе, и всегда оказывалось, что человѣкъ, которому Алекс. больше всего уступалъ, былъ на самомъ дѣлѣ орудіемъ его воли.

Для его характеристики у насъ имѣется превосходный матеріалъ: во-первыхъ, письма Екатерины II, а во-вторыхъ, записки и дневники его раннихъ воспитателей—Массона и Протасова. Письма Екатерины II проникнуты чувствомъ влю-

бленности старой бабушки въ своего любимца-внука. Это—сплошное восхваленіе Алекс.: по ея словамъ, это—геніальный ребенокъ, привлекательный, съ быстро развивающимися способностями. Однако, внимательный взглядъ безъ труда различитъ здѣсь одну черточку, которая вноситъ извѣстную поправку въ одностороннее освѣщеніе Екатерины. Она не разъ отмѣчаетъ, что Александръ никогда ничѣмъ не беспокоитъ своихъ воспитателей и никогда не капризничаетъ. „Дамъ ему“, пишетъ Екатерина въ этомъ письмѣ, „мячъ—онъ предастся всецѣло этой игрѣ, вдругъ отниму мячъ и дамъ книгу, онъ—весь въ чтеніи“. Это—мягкій воскъ, изъ котораго можно вылѣпить что угодно. Такое полное отсутствіе капризовъ—качество очень удобное для воспитателя, но свидѣтельствуется объ извѣстныхъ недостаткахъ натуры. Записки воспитателя говорятъ нѣчто отличное отъ писемъ влюбленной въ своего внука бабушки. Воспитатель отмѣчаетъ въ Великомъ Князѣ самолюбіе и упрямство въ своихъ мнѣніяхъ, умѣніе переубѣждать другихъ, соединенное съ стремленіемъ быть всегда правымъ, а при такихъ условіяхъ нельзя обойтись безъ хитрости и подлоговъ. Мягкій, какъ воскъ, при бабушкѣ, Алекс. за ея спиной проявляетъ другія черты своего характера. Объясненіе такого характера поведения можетъ быть двоякимъ: или Александръ покорялся бабушкѣ изъ хитрости, или былъ глубоко равнодушенъ ко всему, что она ни предлагала ему. Повидимому имѣетъ мѣсто и то и другое объясненіе.

Въ замѣткахъ другого воспитателя Александръ рисуется живымъ, пріятнымъ, способнымъ ребенкомъ, но неглубокимъ, быстро схватывающимъ на-лету разнообразныя впечатлѣнія, но не умѣющимъ сосредоточиться на какомъ-либо изъ нихъ быстро утомляющимся настойчивой работой надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, ребенкомъ, котораго, повидимому, все привлекаетъ, но ничто особенно не интересуется. Таковъ былъ психологическій фундаментъ, на которомъ пришлось производить свои педагогическіе опыты главному воспитателю Ал—дра, умному и благородному швейцарцу—женевцу Лагарпу, которому Екатерина поручила завѣдываніе воспитаніемъ своего внука. Многіе его современники и послѣдую-